

РОБЕРТ ЭЙХЕ, ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

(штрихи психологического портрета)

Деяния Роберта Индриковича Эйхе, секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), травмой забвения не зарастут никогда. Уж очень моторный был человек, инициативный. Главный большевик Западной Сибири служил Сталину верой и правдой, и трудился на славу. Вдохновлял пасомую им большевистскую массу собственным примером на трудовые подвиги и на разоблачения так называемых «врагов», коих было едва ли не в несколько раз больше, чем коммунистов. Закланию подлежали сотни руководителей ведомств и организаций, видные инженеры, в число отверженных попали также соратники Эйхе, его вчерашние коллеги. Идея была такая – страну запугать, народ превратить в баранов, смиренно ожидающих, когда их поведут на убой. Дети отказывались от отцов, и были у них теперь другие «отцы» - отцы народа, Сталин и его наместники. И в нашей западно-сибирской вотчине, как уже было сказано, наместником был именно Роберт Индрикович Эйхе.

О чем думал Роберт Индрикович перед собственным расстрелом, не знает никто. Может быть, ни о чем и не думал. Потому что думал за всех Сталин. Сдал он бывшего своего опричника, но сажать на кол не стал. Страна все-таки за четыреста лет после Ивана Грозного цивилизовалась, а посему кару придумали другую: на поломанном позвоночнике Эйхе, выбивая признания, плясали наши прославленные чекисты, честь и гордость страны Советов. Судя, однако, по бумагам, обнаруженным недавно новосибирским исследователем С.А.Папковым, даже поломанный позвоночник не мешал нашему герою перед смертью любить усатого тирана той странной разновидностью любви, которую в буквальном смысле можно назвать жертвенной.

Эйхе и колония иностранцев

С 1925 года Эйхе возглавляет Западно-Сибирский крайисполком, иными словами – руководит исполнительной властью в регионе. Наиболее приметным промышленным центром Западной Сибири был, конечно, Кузбасс. Уголь, кокс, химия – все это находится в сфере интереса и компетенции крайисполкома.

Углем в Кузбассе занимались, в основном, две структуры – «Кузбасстрест» и Автономная (американская) колония «Кузбасс», руководимая голландцем Себальдом Рутгерсом. Колонию в 1927 году прикроют, что сопровождалось серией громких скандалов. Иностранцы, работавшие в колонии, собрали чемоданы и уехали, остались буквально считанные единицы. Сохранились горькие исповеди иностранных спецов, возмущенных порядками в Советской России. Эйхе знал о содержании таких исповедей, и даже лично принимал недовольных в своем кабинете.

Сейчас, по прошествии десятилетий, становится очевидным, что ликвидация колонии была фактором, негативно отразившимся на экономике края, к тому же сильно ударившей по авторитету страны за рубежом. Именно поэтому мы с таким интересом присматриваемся ныне к основным фигурантам скандальной расправы над АИКом. Эйхе, в числе других, можно смело назвать похоронщиком АИКа.

Похоронщик АИКа

Было несколько вариантов расправы над колонией. Наиболее мягкий – объединение «иностранного» АИКа с «советским» «Кузбасстрестом». Объединив эти структуры, можно было бы нейтрализовать иностранцев, растворив их в общей массе русских инженеров и руководителей. Эйхе был против такого плана. Формально – потому, что со стороны это выглядело бы несколько легкомысленно: кузбасские предприятия новая власть то разъединяет (отобрав в 1922 году часть оных у «Кузбасстреста» и передав только что организованному АИКу, а потом, в 1925г., подчинив последнему еще и предприятия в Ленинске, Гурьевске и Прокопьевске, которые ранее находились именно в ведении «Кузбасстреста»), то объединяет. Что казалось двусмысленным и непродуманным.

Большевистскому духу более соответствовал другой вариант: выгнать иностранцев с треском, одним махом, с автономностью (т.е. особыми правами и привилегиями, дарованными АИКу Кремлем) покончить, главу колонии Рутгерса сначала нейтрализовать, а потом и вовсе отстранить от дел. Именно такой сценарий был осуществлен Эйхе в тесном контакте с прочими большевистскими вождями. Однако политической афере нужно было придать видимость экономического обоснования. 29 мая 1926г. Эйхе выступает в Щегловске с речью, в которой так объясняет недостатки первого варианта по расправе с АИКом (т.е. того самого, который предусматривал пресловутое «объединение» АИКа с «Кузбасстрестом»): «Когда мы проводили реорганизацию (т.е. когда организовали АИК в 1922г., - В.Т.), т.е. когда мы разделили хозяйство прежнего Кузбасса, выделили Анжерку и Судженку в самостоятельный трест («Кузбасстрест», -В.Т.), то основные предпосылки были такие (я хочу их напомнить, чтобы подойти к вопросу объединения). Эти два района (т.е., с одной стороны, район, контролируемый АИКом, и, с другой, территория, что находится в ведении «Кузбасстреста», - В.Т.) по своим географическим условиям не связаны между собой, рынок сбыта их различен, качество угля и условия эксплуатации в АИКе и Анжерке также различны. Эти мотивы были тогда подчеркнуты, с ними соглашались и АИК, и большинство специалистов Госплана, и вдруг сейчас всплывает предложение об объединении. Между тем условия, послужившие причиной разъединения, остались те же, и все моменты, которые нас поставили перед вопросом необходимости разделения, остались в силе».

«Вопль человека, которого поджаривают на коксе...»

Ликвидация колонии иностранцев – действие в первую очередь политическое. НЭП заканчивалась, некоторая либерализация и уступки иностранцам, сделанные в форме концессий, сводились на нет. Опорочить иностранцев – вот главная доминанта. Эйхе чутко улавливает флюиды новых веяний. И отваживается на прямую фальсификацию результатов работы колонии.

Казалось бы: кто сегодня, по прочтении стольких документов, может сомневаться в том, что АИК была во благо экономике Сибири, и что как альтернативная форма ведения хозяйства, отличная от общепринятой в СССР, она себя оправдала? Однако Эйхе хоть и знал это, на словах утверждал обратное. Потому что в СССР все предприятия должны быть похожи друг на друга. Именно поэтому он порочит АИК, заявляя, что никакого толку от иностранцев не было: «Когда мы произвели реформирование старого Кузбасса (т.е. когда передали АИКу Ленинск, Гурьевск и Прокопьевск, - В.Т.), - говорил он, - у нас была большая надежда на то, что хозяйство южного

бассейна улучшится, пойдет более быстрым темпом и вместе с тем будут изжиты все те безобразия, которые имели место в старом Кузбассе. Я не берусь... сказать, что все обстоит также плохо, как было, но я не могу заявить обратного, т.е. что есть достижения. Те материалы, которые имеются у нас по линии крайисполкома и по линии хозяйственной, свидетельствуют о печальной картине в хозяйстве Кузбасса».

Эйхе рад был лишней раз подчеркнуть, что на предприятиях, которыми руководили иностранцы, вскрыты существенные неполадки. Ведь это же козырная карта, которую можно пустить в ход, обосновывая необходимость изжития «иностранщины»! Однако как-то не учитывалось, что иностранцы налаживали производство Кузбасса в Кемерове только с 1922 года, т.е. в продолжение всего лишь четырех лет, а в Ленинске, Прокопьевске и Гурьевске – с начала 1925-го. До них производство находилось в полном хаосе, и они жаловались, что буквально все на шахтах и коксохимзаводе являлось «оскорблением технических принципов ведения хозяйства». Удивительно, как вообще им удалось в условиях Кузбасса наладить производство кокса, хоть и действительно не очень качественного. Эйхе в целях дискредитации иностранцев берет на вооружение именно вопрос качества, ссылаясь при этом на недовольство уральских металлургов, возмущающихся кемеровской продукцией: «Я, - выступал Эйхе весной 1926г., - начну с Урала. То, что мы слышим от уральцев, это вопль человека, которого поджаривают на коксе. Товарищи уральцы чуть ли не слезами на глазах умоляют: «Ради бога, поставьте нас в нормальное положение. Вы даете нам кокс плохой и по качеству, и по дорогой цене, вы даете нам такой кокс, который мы не можем выдержать, который срывает производство». Уральцы приложили все усилия к тому, чтобы как-нибудь изыскать способы освободиться от АИКа. Раз товарищи хозяйственники вынуждены идти на такие затраты, то это свидетельствует, что положение действительно отчаянное».

«Угроза всему развитию Кузбасса...»

Из документов явствует, что Эйхе считал АИК «угрозой всему развитию Кузбасса». Это очень односторонняя и несправедливая оценка. Особую озлобленность вызывала у Эйхе фактическая неподчиненность АИКа и ее главы Себальда Рутгерса краевым инстанциям и, стало быть, лично ему, Эйхе. Эйхе мнил себя «хозяином края» в той же мере, как Сталин – «хозяином страны». А тут – какой-то Рутгерс, подозрительный иностранный спец, который не желает вписываться в иерархию новоявленного советского чиновничества и чиновничества. В речи Эйхе – едва сдерживаемая ярость. «Чем это вызвано? – задается он вопросом, имея в виду «отчаянное положение» АИКа. – Это вызвано... высокой себестоимостью и плохим качеством кокса. Это большая угроза всему развитию Кузбасса. Нужно продвинуть хозяйство Кузбасса более быстро вперед (ликвидировать Рутгерса, стало быть, - В.Т.). Что касается увязки с АИКом, то у нас за последние полгода почти никакой увязки нет. Я видел представителей АИКа только тогда, когда им надо было получить при помощи нажима крайисполкома средства, или когда нужно пролонгировать вексель, а отчета, который нужно дать по горному делу, АИК не давал. Так работать нельзя. Мы должны сегодня сказать тов. Рутгерсу и тов. Коробкину (заместителю Рутгерса, - В.Т.), что такого отношения мы не потерпим. Извольте с нами работать так, как все, чтобы была увязка с профсоюзом и со всеми советскими организациями. Отрыв не должен иметь места».

«Ваш кабинет посетили американцы...»

Таким образом, антиАИКовская позиция Эйхе доказана со всей очевидностью. Вполне понятны и мотивы, которыми он руководствовался, атакуя Рутгерса. На руку Эйхе играли также

неурядицы внутри колонии. Она была образованием многонациональным, очень неоднородным по составу. Внутри нее кипели страсти, замешанные на межнациональной розни и на непонимании местных кузбасских условий, которые вполне справедливо воспринимались иностранцами как абсурдные. Одна часть иностранцев жаловалась властям, и Эйхе в том числе, на другую. Вряд ли Эйхе глубоко вникал в суть конфликтов, однако склоками можно было воспользоваться как поводом, ибо они никак не свидетельствовали о благодатности и благотворности «интернационального» климата в АИКе. И тогда, вполне закономерно, возникал вопрос: а зачем эти склочные и привередливые иностранцы вообще нужны в Сибири. Понятно поэтому, что Эйхе не сделал практически ничего, чтобы удержать их на предприятиях.

Как-то Эйхе принял в своем кабинете АИКовских спецов. Сторонний наблюдатель, бывший моряк Балтийского флота, утверждал, что Эйхе так и не понял, почему инспекцы уезжают из Сибири, и даже написал Эйхе об этом. Какой наивный, однако, этот моряк. До не него так и не дошло, что спецы уезжали именно из-за порядков, насаждаемых такими, как Эйхе. Сегодня этот занятый документ, датированный 1926 годом, нельзя читать без улыбки. «От 12-го мая в 9 часов утра, - пишет Эйхе бывший моряк, - Ваш кабинет посетили американцы, с которыми был третьим я, русский техник, проработавший в АИКе около трех лет в качестве рабочего монтера. Это письмо меня заставил Вам написать заданный Вами вопрос: «Почему американцы уезжают из АИКа». И Вы добавили: «Читая Ваше письмо, я понял, что у Вас есть какие-то недоговоренности». На это Вам стал отвечать товарищ Тучельский. Американец, слабо владеющий русским языком, он дал Вам очень темный невразумительный ответ. Видно было, что как Вы, так и говорящий, не могли понять друг друга. Я же со своей стороны не стал вмешиваться в Ваш разговор, счел неудобным прерывать его. Между тем, заданный Вами вопрос меня очень заинтересовал в том, что и Вы с какой-то стороны все-таки слышали о творящихся неурядицах в АИКе и хотели бы, по-видимому, познакомиться с ними из первых рук. Но Ваш вопрос был задан человеку, не обладающему возможностью передать на русском языке правильную картину – и он Вам стал говорить то, что совершенно неважно, как индивидуального значения случай. Еще раз добавляю, что меня Ваш вопрос заинтересовал и разрешите мне, как русскому технику, бывшему военному моряку Балтийского моря, борющемуся против белогвардейщины в революционных боях около пяти лет, сказать Вам правду... Я, вращаясь среди русских рабочих и слыша, что американцы приехали работать как рабочие, а не эксплуатировать советский рубль, понял, что им только одно остается – уезжать из АИКа...».

Ищем врагов...

Эйхе везде и всюду выискивал потенциальных врагов. Причем задолго до пика репрессий 1936-37гг. Существовали особые разнарядки и квоты на таковые выискивания и обнаружения. Документально доказана причастность партийной элиты края к плановому выселению «кулаков» и уничтожению их как прослойки еще в конце 20-х – начале 30-х гг. Ликвидация колонии иностранцев – мероприятие такого же порядка. Разумеется, все обставлялось таким образом, что власти оказывались правы. Например, как не удивиться лицемерию Эйхе, который 21 декабря 1926г. выступил в Щегловске с гневной речью. Были в ней и такие слова: «То отношение к иностранцам, то издевательство со стороны отдельных элементов, скверно отражаются на них». И выходит, что колонию похоронили «отдельные элементы», а Эйхе был не при чем. И это в то время, когда уже практически все спецы уехали за рубеж.

Пройдет время, и те проекты инспекторов, которые дружно топились в середине 20-х, возьмут, наконец, на вооружение. Рутгерс, например, предлагал построить мост через Томь или хотя бы прорыть тоннель под речкой. Не дали. И что же? Из письма Эйхе к секретарю кемеровского горкома ВКП(б) Новаковскому от 27 апреля 1932г. узнаем, что Эйхе считает реальным поставить мостовые фермы уже к 1 ноября, а опоры уже готовы были в апреле. И выходит, что заботились иностранцы о перспективах Кузбасса, а их не понимали. Поняли только, когда выжили. Вспоминал ли Эйхе строптивного Рутгерса, когда сочинял письмо Новаковскому?

«Нет таких крепостей...»

К чему привело свертывание НЭПа и геноцид, развязанный против крестьянства, массовые выселения и экспроприации в деревнях, чему усердно, по мере сил своих, содействовал и Роберт Индрикович Эйхе, - известно. Народ голодал. В Сталинске и Кемерове фиксировались даже случаи людоедства.

А что же Эйхе?

Аккурат во время всех этих эксцессов Эйхе цинично утверждает, что фундамент социализма построен и что благосостояние народа в самое ближайшее время чудодейственным образом увеличится. Об этом читаем в материалах пленума Сталинского горкома ВКП(б) за 3-4 мая 1932г. Эйхе горделиво сообщал, что «везде и всюду (в капиталистических странах) мы видим небывалое понижение производства, небывалый кризис», и только в стране диктатуры пролетариата, де, «небывалое увеличение промышленности». Проехался Эйхе и по «враждебным элементам»: «Вы знаете, сколько было клеветы, сколько было насмешек по отношению к нам со стороны враждебного окружения, со стороны враждебных элементов в нашей стране, и также со стороны отдельных оппортунистических элементов! Сколько было хихиканья по вопросу о возможности овладения нами крупной новой техникой!».

Разумеется, слова Сталина, что «нет таких крепостей, которые мы не смогли бы взять», Эйхе в своей речи называет пророческими. Эйхе считает, что еще в 1931г. в стране был построен «надежный фундамент социализма» и полагает: в результате второй пятилетки благосостояние народа увеличится в два-три раза. И не ведает Эйхе, сколько миллионов положит «под каток» эта пресловутая «вторая пятилетка», и сколько миллионов будет исчислять свое «увеличившееся благосостояние» лагерной робой и вставными зубами.

Разумеется, мы далеки от того, чтобы, всячески выпячивая «монструозные» черты эпохи, начисто отменить и очевидные заслуги Эйхе в налаживании производственной или бытовой сферы региона. Любой человек соткан из противоречий, и не бывает людей однозначно одиозных. Встречались нам документы, которые свидетельствовали в пользу административных способностей Эйхе, которые проявлялись порою в нужное время и в нужных обстоятельствах. Например, когда кемеровский цинково-свинцово-серноокислотный комбинат весной 1933г. начал испытывать проблемы с поставками древесины с Урала (хотя непонятно, почему лес везли издалека – ведь Кемерово находилось буквально посередине тайги!), Эйхе обратился телеграфно к Орджоникидзе с требованиями помочь: «(До) настоящего времени Севцветметзолото Кемерцинкострою не выделило фондов леса, железа, цемента, продовольственных и других тчк Севцветмет не уделяет внимания кемеровскому строительству поэтому первый квартал угрозой срыва тчк Из ассигнованных на первый квартал три половиной миллиона получено только пятьсот тысяч рублей тчк Прошу Вашего вмешательства указать Главцветметзолото необходимости срочно обеспечить кемеровское

строительство необходимыми материалами тчк Принятых Вами мерах просим телеграфировать».

Куль

Большевистские вожди пестовали культ Сталина и свои собственные, маленькие «культики». Те, которые с «маленькими», славословили друг другу. Орджоникидзе хвалил Эйхе, и наоборот. Вот, например, 2 августа 1933г. в Сталинске побывали и Орджоникидзе, и Эйхе. Покритиковав начальника стройки Франкфурта за то, что тот много обещает, но мало делает (много «дает векселей, но векселя оказались бронзовыми»), и призвав собравшихся «ударить по классовым врагам», Эйхе завершил свою речь так: «И мы должны условиться и дать слово товарищу Орджоникидзе в том, что наша преданность партии, наша преданность вождю партии, наша любовь к нему как руководителю мы докажем делом...».

Ясно, что такая речь не могла не понравиться Орджоникидзе. Закончилась она продолжительными аплодисментами и пением Интернационала. Иначе и быть не могло. В свою очередь, подчиненные Эйхе выбивались из сил, соревнуясь в верноподданнических устремлениях. В Кемерове один из районов (ныне Рудничный) носил имя Эйхе. В Сталинске присваивают имя Эйхе городскому театру. Секретарь горкома Хитаров (позже расстрелянный) сочинял в честь Эйхе длинные тирады. Вот фрагмент льстивой речи Хитарова на второй городской партконференции 3-6 января 1934г.: «Мы счастливы, что к нам сегодня вновь прибыл испытанный руководитель нашей партийной краевой организации товарищ Эйхе. Товарищ Эйхе неуклонно вел нашу парторганизацию все эти годы по пути победоносного строительства социализма и товарищ Эйхе сделал гигантски много в деле руководства строительства нашего гиганта. Мы знаем, пролетариат Сталинска хорошо в этом убедился на опыте этих лет, что именно товарищ Эйхе попадает в железный фонд славного края и нашего строительства».

Парад мертвецов

Сегодня подобные речи читать неловко. Автор панегирика расстрелян, и объект его восхвалений – тоже. Без пяти минут мертвецы пребывают в эйфории. Соревнуются в красотах стиля. Начальник строительства Франкфурт (его тоже расстреляют!), которого Эйхе чуть ли не обругал прилюдно, к той же конференции загодя сочиняет Эйхе оду: «Краевой комитет партии и товарищ Эйхе, один из старейших работников Сибири, который провел почти все время, с момента изгнания белогвардейщины из Сибири, 15 лет находится здесь и он не только помогал в нашем строительстве, но тов. Эйхе является человеком, который дрался за это строительство, преодолевая все сопротивления, все споры, которые в то время были. Товарищ Эйхе преодолел все препятствия, чтобы строили кузнецкий завод. Товарищ Эйхе сумел добиться строительства металлургического завода в то время, когда и внутри партии, и внутри сибирской организации были большие споры, но он дрался и настоял, чтобы строили завод, и не только настоял, чтобы его начали строить, но он дрался за строительство этого завода и в результате этого мы сегодня и вся Западно-Сибирская организация можем рапортовать 17 партсъезду, что кузнецкий завод есть, есть и второй кузнецкий завод. Товарищ Эйхе помнит, когда на пленуме в сентябре месяце обсуждался вопрос о металлургии, многие люди нас на смех подняли, как это мы с суконной рожей в калашный ряд лезем. Товарищ Эйхе и товарищ Хитаров (секретарь Сталинского горкома, тоже расстрелян, - В.Т.) помнят это. Товарищ Эйхе дрался и за создание железно-рудной базы в нашем районе... Товарищ Эйхе нашей Сталинской организации помогает ежечасно, ежедневно, чтобы мы успешно двигались

вперед... Мы все время были под руководством товарища Эйхе – лучшего большевика Сибири».

Вообще, подобные плоские дифирамбы было трудно представить в устах просвещенного человека. Заметим, - Франкфурт прекрасно владел французским, и не был чужд литературных занятий, его книга «Рождение человека и стали» (1935) написана живо и увлекательно. Для своего времени это был человек неплохо образованный. Вряд ли он мог все это произнести от чистого сердца, уж больно похожи были его панегирики на издевку по адресу Эйхе. Хотя, - кто теперь скажет, как и что было на самом деле...

Многоходовые интриги

Естественно, объекты «маленьких культов» могли ревновать паству друг к другу. Дело в том, что у большевиков Сибири, занимающих видные хозяйственные должности, было несколько полубожеств, которым в равной мере следовало поклоняться. Так, руководители комбинатов одновременно отчитывались о проделанной работе и перед Орджоникидзе (наркомат тяжелой промышленности), и перед Эйхе (партийный вождь Сибири). Таким образом, Орджоникидзе и Эйхе в равной степени руководили промышленностью и кадрами, что чревато было многочисленными костоломными (как это водилось в ту пору) интригами. Каждый пытался продвигать на ответственные должности своих людей, и налицо было хоть и неафишируемое, но весьма осязаемое противостояние.

Маленькие драмы происходили в Кемерове. Кемеровокомбинатстроем руководил Борис Норкин. Секретарем горкома в 1934-35гг. был Бузов, который слал секретные отчеты Эйхе. В отчетах этих Норкин выглядел не всегда приглядно. Но, очевидно, было это не случайно. Эйхе нужен был компромат на Норкина, и Бузов исправно его поставлял. В доносах Бузова обнаруживаем прямые указания на бездействие Норкина. Например, 1 июня 1934г. Бузов писал на имя Эйхе, касаясь жилищно-коммунального хозяйства в городе: «Товарищ Норкин этими вопросами совершенно не интересуется, и, сдается мне, ничего не понимает в этом деле». Приводились доказательства: «Гигантские четырехэтажные дома, которые сейчас мы заканчиваем, не канализованы и нет в них водопровода. По постановлению правительства и партии мы не можем в них вселять рабочих. Нет водоканализирующих труб, приспособлений для уборных и т.п. Но если бы это все было, все равно невозможно пустить в действие, так как нет проектов канализации и водопровода города... Пущена первая турбина ГРЭС, коксовая батарея, постоянные рабочие живут рядом с этими предприятиями во времянках, отравляются газами этих производств. Пуск еще двух турбин Энергостроя, пуск полностью гиганта Коксохимстроя, Азотно-тукового комбината, Цинкового завода буквально отравят город и в первую очередь рабочих, живущих в этих бараках. Сейчас уже стоят облака газов над городом».

Темы писем Бузова к Эйхе – самые разные. Объединяет их одно: плохо скрываемое недовольство Норкиным. Из-за отсутствия канализации город загажен – виноват Норкин. Весной, правда, организовали ряд субботников, на которых город очищали «от навоза, шлаку, мусора и дерьма», но Бузов сознается, что это лишь временная мера. Очевидно, он вместе с Эйхе ждет, когда Норкин сам займется «навозной проблемой».

Эйхе против Норкина

Эйхе тоже пишет Бузову. Общаются они «на ты» - так было принято в партийной среде. Живет

он с Бузовым душа в душу и называет его «дорогим товарищем». В письмах Бузову Эйхе намекает, что Орджоникидзе Норкиным недоволен. Дескать, Норкин человек безынициативный, не поставил в известность Орджоникидзе, что в Кемеровокомбинате нет главного инженера, и вообще кадры слабые. Норкин все эти обвинения парировал и утверждал, что Орджоникидзе обо всем своевременно информировался. Лгал либо Эйхе, либо Орджоникидзе, либо Норкин. Каждый играл по-своему.

Одно очевидно вполне: Норкин не нравился Эйхе, что в обстановке инспирации вала репрессий было небезопасно. Так и случилось: Норкина арестуют, а Орджоникидзе за него не вступится. Эйхе выиграл свою партию в подкидного, и карта Норкина оказалась бита. Увы, всем участникам этих игрищ осталось жить совсем недолго. Но пока они еще живут. Норкина арестуют только через два года. Как видим, для того, чтобы «съесть» противника, Эйхе потребовалось не так уж много времени. Однако путь к цели - витиеватый. Эйхе пришлось потрудиться, чтобы создать о Норкине не очень лестное мнение. В 1934г. Он пишет Бузову: «Дорогой товарищ Бузов! После твоего отъезда мы вместе с товарищем Грядинским были у Серго (Орджоникидзе). Наряду с другими вопросами, ставили вопрос о Кемеровском комбинате и требовали: во-первых, самого решительного изменения отношения Главков и Объединений к Кемеровскому комбинату и укрепления его крупными работниками, второе – настаивали на увеличении автотранспорта, и третье – требовали решительного изменения отношения к Кемеровской ЦЭС и всемерного формирования дальнейшего строительства. Из беседы с товарищем Орджоникидзе нам стало совершенно ясным, что товарищ Норкин недостаточно нажимает на аппарат Наркомтяжпрома и не воспользовался всеми возможностями для укрепления Кемеровского комбината. Характерен факт, например, что занаряженные в первом квартале 10 грузовиков до дня нашей беседы с тов. Орджоникидзе даже еще не были получены. И когда мы требовали увеличения транспорта, нам вполне резонно сказали: чего же вам увеличивать отпуск машин, когда те, которые были отпущены, Вами до сих пор не получены. Только благодаря исключительно внимательному отношению товарища Серго удалось получить еще 10 грузовиков. Но у меня нет такой уверенности, что и эти десять будут взяты так же, как и отпущенная первая партия. То же самое в отношении людей. Товарищ Серго ругался, что ему ничего не сообщили о том, что на Кемеровском комбинате нет главного инженера и вообще строительные кадры чрезвычайно слабы. Это также является виной прежде всего тов. Норкина и передай ему, что я очень его прошу немедленно принять решительные меры к тому, чтобы получить достаточную поддержку и помощь со стороны Объединений Наркомтяжпрома. А это вполне возможно, учитывая отношение тов. Серго к Кемеровскому строительству. Со своей стороны тов. Орджоникидзе ставил перед нами вопрос о форсировании строительства завода жидкого топлива. Я очень прошу тебя взять эту часть строительства под наблюдение, оказывая всемерную помощь на месте, а если есть особые заторы, то немедленно сообщи мне».

Нерадивый Норкин

По тону письма видно: Норкин – нерадивый руководитель, приходится Роберту Эйхе все за него делать самому, либо поручать Бузову исправлять ошибки, совершенные Норкиным. Бузов поддакивает Эйхе и в ответном письме соглашается с ним, что вина за все промахи лежит именно на Норкине, который плохо подбирает кадры, «прошляпил» историю с автомашинами, и вообще у Бузова, де, о Норкине сложилось точно такое же мнение, как у Эйхе.

Норкин, однако, защищался, как мог. Он проинформировал Бузова, что про автомашины ему

никто ничего не сообщал, а что касается кадров – Норкин лично говорил по этому поводу с Орджоникидзе, который обещал помочь, и было это задолго до встречи Орджоникидзе с Эйхе. И, стало быть, конфликт выеденного яйца не стоит.

Однако Эйхе неправым быть не может. Он старательно подкарауливает новый повод для атаки. И вскоре находит его.

В начале 1935г. в Кемерове происходит кадровый скандал. Эйхе рекомендует на должность директора кемеровской ГРЭС и одновременно начальника строящейся электростанции коммуниста Соколовского. Однако директива Эйхе была проигнорирована Норкиным, и Соколовский оказался не у дел. Эйхе через Бузова ставит вопрос о поведении Норкина. Собирается комиссия горкома. Докладывает Бузов, и обвиняет Норкина не только в недисциплинированности, но и в обмане Эйхе. «Сегодня, - сообщал Бузов 26 февраля, - получена телеграмма крайкома по прямому проводу по вопросу освобождения тов. Соколовского от работы в Кемерово вопреки директивы крайкома об использовании его директором ГРЭС и начальником вновь строящейся электростанции на правом берегу. Я зачитаю текст этой телеграммы (*читает телеграмму*). Получивши эту телеграмму, я запросил письменные объяснения от т. Дробниса, Карцева (заместители Норкина, - В.Т.), Соколовского и Марандина, который оставался здесь заместителем секретаря, как это произошло. Из всех этих документов явствует, что тов. Норкин в бытность его в крайкоме при разговоре с тов. Принцевым и впоследствии с тов. Эйхе говорил неправду. Он 24 февраля в моем присутствии заверил тов. Эйхе, что вопрос с тов. Соколовским улажен, что Соколовский остается в Кемерове начальником обеих электростанций, в то время как 21 февраля по телефону из крайкома дает распоряжение заместителю начальника ККС (Кемеровокомбинатстроя, - В.Т.) Карцеву об освобождении тов. Соколовского от работы в Кемерово. Тов. Норкин, видимо, нам расскажет, как это получилось».

Кто кого обманывает?

Итак, речь идет о непослушании крайкому и обмане Роберта Эйхе. Именно поэтому Эйхе поручает Бузову провести разбирательство. Норкина заставили объясняться. Тот, однако, уверял, что никакого обмана и в помине нет. Со слов Норкина, дело обстояло так. 23 февраля в крайкоме во время разговора с Принцевым (он курировал промышленность) Норкин сообщил, что из Москвы пришла телеграмма об освобождении Соколовского от работы в Кемерове. Норкин попросил у Принцева совета, как поступить. Принцев тут же рекомендует Норкину сходить к Эйхе. Эйхе не согласился на освобождение Соколовского, и тем самым вмешался в прерогативы Орджоникидзе. Эйхе, напротив, посоветовал использовать Соколовского в качестве директора ГРЭС и начальника строящейся электростанции на правом берегу. Что касается слухов, будто бы Норкин отдавал приказ своему заместителю Карцеву освободить Соколовского от занимаемой должности, то Норкин факт этот отрицает. Со слов Норкина дело представляется еще более интересным: оно заключается уже не в неподчинении директивам Эйхе, а в столкновении самого Эйхе с Москвой. Таким образом, главной движущей силой этой интриги был Эйхе. Это он инициировал конфликт, зачем-то противопоставляя себя Орджоникидзе.

Кто кого перехитрит?

История вышла двусмысленная и запутанная. Эйхе и Орджоникидзе выясняли отношения, а крайними должны были оказаться кемеровские чиновники. Речь Норкина, попытавшегося

оправдаться, была прервана Бузовым. Он потребовал от Норкина объяснить, кто занимается обманом крайкома (читай Эйхе) – сам Норкин или его заместители Карцев и Дробнис. Норкин выкручивается: «Максим Леонтьевич! Я хочу привести несколько справок относительно освобождения тов. Соколовского, и телеграмм, которые мы получили из Москвы по этому вопросу. Таких телеграмм мы имеем несколько, я помню четыре телеграммы. Правда, на первую телеграмму я дал согласие об освобождении тов. Соколовского от работы. На вторую телеграмму я даже не ответил. На третью телеграмму, где шел разговор об освобождении тов. Соколовского и т. Уварова, я ответил, что против освобождения т. Соколовского принципиально возражений нет, но там же сообщил, что практическое осуществление этого вопроса зависит от решения крайкома».

Игрокам не позавидуешь. Норкин в возбуждении. Дело в том, что были планы отстранить его от должности и поставить на его место Соколовского. Кто дирижировал спектаклем – вполне ясно: у Норкина был недоброжелатель в ранге секретаря крайкома. И поэтому Норкин был обречен. Даже если удержится за место – можно ли сомневаться, что Эйхе его раздавит? Так и случилось. До ареста осталось полтора года. Норкин и его заместители пытаются вырваться из тисков Эйхе, но действуют вразнобой. Дробнис, заместитель Норкина, вдруг подтвердил, что указание Норкина об освобождении Соколовского действительно было. Это было маленькое предательство, но можно ли Дробниса осуждать? Ведь его тоже вскоре расстреляют. Дробнис заявил: «Больше того, что мною написано Максиму Леонтьевичу (Бузову), я не добавлю. Получил я телеграмму 21 февраля, сразу же переслал ее товарищу Карцеву, по телефону я еще раз переспросил товарища Карцева, как мне поступить с освобождением тов. Соколовского. Тов. Карцев мне подтвердил свое распоряжение об отдаче приказа. После разговоров с товарищем Карцевым я, в свою очередь, сообщил по телефону Ивану Николаевичу Марандину о том, что получена телеграмма об освобождении т. Соколовского и что Борис Осипович (Норкин) при разговоре по телефону с тов. Карцевым дал распоряжение об освобождении тов. Соколовского. Тов. Марандин мне посоветовал составить телеграмму с приложением текста полученной телеграммы в Новосибирск на имя тов. Бузова и тов. Норкина с двумя подписями и, насколько я понял Ивана Николаевича (Марандина), он мне сказал, что, видимо, тов. Бузов и тов. Норкин договорились об освобождении – к этому нужно быть готовым. 21 февраля я составил телеграмму и того же числа за подписью тов. Марандина и моей телеграмма была отправлена. Имея распоряжение тов. Карцева, я отдал приказ об освобождении т. Соколовского».

Война с Эйхе

Одно ясно: если освобождение Соколовского от работы вопреки директиве крайкома состоялось, то это означает, что кемеровские промышленные генералы отважились на неафишируемую войну с Эйхе. Или наоборот – всеми силами оборонялись от Эйхе, который задумал провести в Кемерове кадровую революцию. Речь шла о сохранении должностей не только Норкиным, но и, по сути, всеми его замами. Именно поэтому команда Норкина апеллировала к Орджоникидзе как к единственному гаранту существующего статус-кво, которое не устраивало Эйхе, и всячески запутывала ищущек Эйхе, вводя их в заблуждение и убеждая их, что случай с отстранением Соколовского – нечаянный казус, основанный на путанице в документах и директивах.

История действительно выглядела запутанной, и если мы беремся за ее изложение, то только потому, что для основных ее участников противостояние с Эйхе закончилось плачевно, ибо до

кровавого исхода осталось – всего ничего. По этому делу допросили также секретаря горкома Марандина. Его показания мало что прибавили к уже известному. Выяснилось, что телеграмму об освобождении Соколовского зачитал Марандину Дробнис и спросил, как быть. Марандин предложил послать телеграмму Бузову и Норкину, которые находились в тот момент в Новосибирске. Марандин полагал, что, получив телеграмму, Бузов и Норкин согласуют этот вопрос в крайкоме «и нам сообщат, что в тексте нашей телеграммы надо поставить и текст телеграммы, полученной из Москвы». Марандин совсем запутал собравшихся. «Телеграмма в телеграмме» - до этого надо было еще додуматься! Между тем, на следующий день Марандин объявил, что вопрос об освобождении Соколовского, очевидно, Бузовым и Норкиным в крайкоме согласован, и надо быть готовым к освобождению Соколовского от работы, но приказ об увольнении написать только после директивы из крайкома. Далее Марандин сообщил, что телеграмму из Кемерово Норкин получил, но не показал ее секретарю горкома Бузову. А в это время Марандин усиленно по телефону вызванивал Бузова, но дозвониться до него никак не мог, потому что линия все время была занята Норкиным и Карцевым – об этом Марандину сообщили на телефонной станции.

Фатальные «мелочи»

Зачем Эйхе организовал через Бузова это «мелкое» разбирательство с выяснением малейших подробностей? Для того, чтобы узнать, кто именно и как его обманул? Допустим, что обманул Норкин, потому что боялся Эйхе и понимал, что тот имеет к нему давний счет. Но чем был опасен Норкин и его команда для Эйхе? Только ли дело в том, чтобы заменить «людей Орджоникидзе» «людьми Эйхе»? Почему так усиленно выискивает Эйхе компромат на Норкина? Как бы то ни было, Норкин испугался, и уже в ходе разбирательства начал давать показания путаные. Выходило, что он сначала согласился на увольнение Соколовского, а потом передумал. То есть частично свою вину перед Эйхе как бы признал. И подписал себе смертный приговор. Повод для расправы найдется очень, очень невольно. Пока же Норкин на уютном кемеровском пятачке продолжает участвовать в маленьком «междусобойчике». «Телеграмму Вашу, - обращается он к Марандину, - я получил 23 февраля, того же числа я разговаривал с товарищем Принцевым (работником крайкома, - В.Т.), который мне посоветовал обратиться к тов. Эйхе, и 24 февраля я был у тов. Эйхе, которому я рассказал о получении телеграммы. Тов. Эйхе не дал согласия освободить тов. Соколовского от работы в Кемерово, и я ему сказал, что тов. Соколовский будет использован на работе ТЭЦ правого берега и директором ГРЭС по совместительству. Тов. Карцеву я не давал распоряжения об освобождении тов. Соколовского от работы. Я ему говорил, что раньше на запросы Москвы я давал согласие об освобождении тов. Соколовского, видимо, Карцев меня не понял».

Чем кончилось дело? Норкин был изобличен как обманщик. По результатам разбирательства Бузов пишет донесение Эйхе. Вывод Бузова однозначен: Роберта Эйхе предали, и намеренно вводили его в заблуждение. Это было тяжелое обвинение, чреватое последствиями. Бузов доносил в крайком длинной телеграммой: «Письменном объяснении Карцев указывает что Норкин по телефону Новосибирска дал ему распоряжение 21 февраля освободить Соколовского при этом телефонном разговоре присутствовал Дробнис который также подтверждает письменно после чего Дробнис на основании этого указания Новосибирска издал приказ освобождению Соколовского тчк Марандин узнавши что Норкин по телефону Новосибирска дал распоряжение освободить Соколовского предложил дожидаться ответа Бузова Норкина тчк Из всего этого явствует Норкин обманывал крайком когда заявлял 24 Эйхе что он согласен оставить Соколовского начальником тогда как три дня назад то есть 21 давал

указание освободить Соколовского тчк Норкин отказывается разговоре Карцевым телефону увольнении Соколовского заявляя по видимому Карцев меня не понял тчк Норкин такой формулировкой телеграммы не согласен тчк После обсуждения этого вопроса Карцев связи создавшейся обстановкой просит поставить вопрос крайкоме освобождении его от работы главинжа и зам начальника ККС тчк Дробнис также просит освободить его от работы тчк Соколовский назначается начальником обоими ТЭЦ Норкин Вашем согласии вызывает Москву остальные остаются своих местах до указания крайкома».

Нагнетание истерии

Так работал Эйхе. Нагнетая истерию путем секретных разбирательств (все документы помечены секретным грифом и содержатся в особой папке), и заставляя своих заместителей, вроде Бузова, шпионить за каждым шагом спецов Наркомтяжпрома. Трудно сказать, было ли это на пользу дела. Спецов лихорадило, а Эйхе специально отравлял общий рабочий настрой на промышленных стройках. Так, в нашей запутанной истории с Норкиным Эйхе не ограничился скандальной разборкой в Кемерове, но еще постфактум попытался испортить отношения кемеровских спецов с Москвой, ибо его люди пытались представить дело так, что освобождение Соколовского произошло против воли не только Эйхе, но и Орджоникидзе. Все эти ходы избличают в Эйхе опытного интригана. Его заместитель Бузов, препровождая материалы этого склочного дела в крайком и требуя привлечь Норкина и его окружение к ответственности (естественно, руководствуясь инструкциями Эйхе, а как же еще?), 8 марта 1935г. доносил следующее: «Препровождаю при этом материалы расследования по телеграмме тов. Эйхе об обмане крайкома партии со стороны начальника ККС т. Норкина по вопросу о назначении и откомандировании т. Соколовского. Одновременно препровождаю телеграммы т. Карцева в Москву на имя т. Раскина – зам. Кадрами НКТП. Тов. Карцев, стремясь откомандировать т. Соколовского, допустил явную бестактность в формулировке этой телеграммы, добился бестактного ответа со стороны т. Раскина – зав. Кадрами НКТП. Из всего этого явствует, что тов. Норкин обманывал крайком партии, используя для этой цели своих заместителей и ложно информировал Москву. Оба заместителя Норкина (Карцев и Дробнис), имея прямое решение крайкома партии об оставлении т. Соколовского в ККС, невзирая на это, добивались от Москвы откомандирования т. Соколовского помимо и без ведома горкома и крайкома партии».

Искусство скандалить

Спецсы осмелились решать кадровые проблемы непосредственно с Москвой, без ведома и даже вопреки Эйхе! Такая строптивость должна быть наказана. Это личное оскорбление Эйхе. Последний в ярости. Он шпионит за подозрительными специалистами, используя для этого аппарат горкома. Узнает через Бузова, кто и когда звонит в Москву и отправляет туда телеграммы. Старается на одно раздутое разбирательство наложить другое, столь же омерзительное. Эйхе, например, принялся выяснять, не обманывали ли его в случае с увольнением другого кемеровского функционера - начальника азотно-тукового комбината Уварова. Точно также, как и в скандале с Соколовским, заместитель Норкина Карцев выступал за освобождение Уварова от должности и был очень недоволен решением крайкома (читай Эйхе) об оставлении Уварова в ККС. Оказывается, как и в истории с Соколовским, окружение Норкина телеграфно ходатайствовало перед Москвой, чтобы Уварова, вопреки воле Эйхе, из Кемерова отозвали. Эйхе был в бешенстве. Но как можно было препятствовать Норкину общаться с ведомством Орджоникидзе? Норкин, несмотря ни на что, как только Эйхе стал

атаковать его, тут же уехал разбираться в Москву, в наркомат тяжелой промышленности. Эйхе всполошился, и дал директиву Бузову, раз уж проворонили Норкина, не разрешать командирования в Москву заместителей Норкина. Он не хотел, чтобы они общались с Орджоникидзе! Однако Карцев, заместитель Норкина, отправляет Дробниса в Москву! Это был бунт на корабле и полное непослушание. Бузов доносил крайкому о нижеследующем: «Товарищ Карцев заявил приехавшему из отпуска т. Уварову: «Тебе не следует принимать дела, так как начальником остается твой заместитель т. Шапов, этот вопрос согласован с крайкомом», т.е. заявил явную ложь т. Уварову. Телеграфную переписку т. Карцева с Москвой об Уварове прилагаю. Это все пишется при наличии решения крайкома. Тов. Дробнис настойчиво просил меня пустить его в командировку в Москву, ссылаясь при этом на данное ему согласие тов. Эйхе. Я имею прямое указание тов. Эйхе о том, что в связи с выездом тов. Норкина никого не пускать и отказал т. Дробнису. После этого 7 марта переговорил с Вами лично по телефону (письмо адресовано секретарю крайкома Сергееву, - В.Т.) и получил подтверждение от Вас ранее данного указания Дробниса в Москву не пускать. Я об этом передал тов. Карцеву, однако через несколько часов я получил из ККС приказ за подписью тов. Карцева, которым Дробнис командировается в Москву (копию приказа прилагаю)».

Межведомственные дуэли чреваты приговорами...

Становится совершенно ясным, что между Новосибирском, Кемерово и Москвой действительно идет игра. Все игроки азартны – трудно разобрать, кто чьи решения нарушает. Очевидно, смысл такой: Эйхе хочет иметь в Кемерове на руководящих должностях своих людей, Москва – своих. При новом раскладе Норкин, Карцев и Дробнис тяготеют к партии Орджоникидзе, а горкомовское руководство, Соколовский и Уваров – к Эйхе. В конечном итоге верхушка кемеровского комбината пострадает. Выиграет Эйхе. Но победа эта, как уже было сказано, будет временная. Разумеется, в командировочных бумагах Норкина или Дробниса бесполезно искать действительные причины их стремительного отъезда в Москву. Как и во всякой игре, истина находилась под покровами тайны. Официально Дробниса командировали в Москву «по вопросам жилищно-коммунального хозяйства» и для участия в заседании СНК «по строительству города Кемерово», причем срок командировки - целый месяц, с 10 марта по 10 апреля. Между тем, важной и судьбоносной для наших героев было не это пресловутое строительство, о котором кричали газеты, а именно игра. Именно костоломной игре, затеянной Эйхе и Орджоникидзе, обязаны были Норкин и его окружение расстрельными приговорами. А сказки про их «оппортунизм» и провоцирование вредительских взрывов в кемеровских шахтах рассчитаны были на идиотов, изучающих чуть не под лупу творения классиков марксизма.

Визит в Кемерово

На фоне всех этих затянувшихся дрызг происходит визит Эйхе в Кемерово. 22 января 1935г. главный большевик Западной Сибири выступает на заседании бюро кемеровского горкома. Ныне хорошим тоном считается ругать тех исследователей, которые «очерняют историю». Но вот по прочтении речи Эйхе складывается такое впечатление об особенностях кемеровского быта образца 1935 года, что поневоле утверждаешься в мысли: если кто и был недоволен городом и его историей в славные 30-е, так это по большей части современники. Вот что сказал Эйхе: «Кемерово еще не есть Кемерово, а есть старый Щегловск. Горсовет не борется за выполнение законов советской власти. На мелочи, которые имеют большое значение, руководящими организациями не обращается никакого внимания, например: на руднике у

тов. Суханова рабочие жилища окружены отвратительной грязью, мусором. Единственное в Кемерове культурное место – гортеатр во Дворце Труда, ходит на конюшню, грязно, темно. Жильцы, рабочие и служащие не мобилизуются на борьбу за чистоту, за культурность. На руднике у здания горсовета вместо траурных флагов (убийство Кирова! – В.Т.) вывешены анархистские черные, люди даже не знают, какими должны быть в СССР траурные флаги. Органы НКВД, милиции и уголовного розыска не заботятся об ограждении трудящихся от воров и жуликов. Рабочие не могут держать для себя корову и поросенка потому, что ее на завтра же украдут. Горсовет и прокуратура также проходят мимо этих вопросов».

Как и следовало ожидать, под понятием «культура» Эйхе подразумевает прежде всего чистоту. Типично большевистские представления о культуре. Если такими критериями измерять «культурность», то, при условии, если расстрельные и пыточные камеры мыть ежедневно мылом, чекисты оказались бы в «культурном» отношении самыми продвинутыми и подкованными. Однако вернемся к речи Эйхе. От краж свиней и коров Эйхе переходит к стройкам Кемерова. Которыми руководит, как мы уже знаем, его тайный враг Норкин. Поэтому Эйхе особо подчеркнул, что химическая промышленность в Кемерове требует высококультурных и квалифицированных кадров (Норкин с Дробнисом, конечно, не в счет!), и что доклад Норкина неудовлетворительный, поскольку носил «розовый оттенок благополучия». Основным недостатком работы Комбинатстроя Эйхе называет текучесть рабочей силы, и этот недостаток, по его мысли, вызван безответственным отношением к материально-бытовому и культурному обслуживанию рабочих.

«Руководителей надо судить...»

Заботливый Эйхе так переживает за быт кемеровчан, что в пору забыть об его усердии в разоблачении «врагов». Хотя примеры он приводит действительно любопытные. Так, оказывается, что на правом берегу в столовых стоят по 2-3 часа в нескольких очередях. Первая очередь – за талонами, вторая – за ложками, третья – за свободным местом у столика. Между тем, руководство строек в столовых не бывает. Жилищные бараки рабочих Эйхе сравнивает с царскими этапными тюрьмами. В техникуме же, который готовит кадры для ККС, ценнейшая аппаратура находится в грязи, в воде, свалена в темной комнате и вредительно уничтожается. «В общежитии, - продолжает Эйхе, - студенты спят в одежде, в сапогах, за такие безобразия руководителей надо судить, а культпроп проходит мимо таких безобразий. Со стороны ГСПС также нет нужной заботы о рабочем классе. Спецмолоко не выдается, жилищные условия безобразные. На правом берегу нет больницы, амбулатории, клуба, и профсоюз за это не борется. В докладе тов. Норкина факты и цифры разнятся, данные цифры подписаны техаппаратом и доверять им нельзя. Качество строительства настолько плохое, что не подлежит никакой критике. Плохие показатели качества работы принесли государству колоссальные убытки. Стройки, а особенно само управление ККС, от классово-чуждых элементов не очищены до сих пор, и т. Норкин к вопросу кадров относится безответственно, а защищаются классово-чуждые люди, при этом ссылаются на их якобы хорошие показатели».

Очень опасный намек, который сработает как мина замедленного действия: Норкин не очищает стройки от классово-чуждых элементов. Похоже, Эйхе уже знает о том, что Норкину вскоре придется туго, и запишут его не просто в пособники врагов народа, но и в шпионы, в диверсанты. С личными врагами Эйхе не церемонится. Пока же ограничивается намеками. Останавливается на взаимоотношениях внутри руководства ККС и строек, которые считает ненормальными. Норкин, де, виноват в том, что все вопросы пытается решить сам. Кроме того,

затеянная Норкиным реорганизация ОРСов и слияние их в одну структуру ни к чему не привели. Главный вывод Эйхе: Норкин берется за все и ничего не доводит до конца. Эйхе считает, что ведомству Норкина пристало быть просто планирующей и контролирующей организацией, не должен Норкин много на себя брать. Норкин – хороший работник, «но страдает делачеством, так делать директору крупного строительства нельзя». В заключение Эйхе пожелал «шире развернуть критику и самокритику», что могло означать только одно: ату Норкина!

«В своем проклятом подполье накаляют кадры злобой...»

Конечно, силы были неравными. Эйхе и Норкин – в разных весовых категориях, поэтому бесславный конец карьеры Норкина был предreshен заранее. Разве с Эйхе можно шутить? Вот в том же 1935 году над Эйхе решила пошутить заведующая магазином ОРС Комбинатстроя Анна Павловна Брагина, и это кончилось для нее плохо. Услышав как-то от комсомольца Карпова, что Эйхе скончался, она принялась за дальнейшее распространение этой ложной информации. Не учла, что разговор с Карповым проходил в присутствии свидетеля (беспартийный Бронштейн все слышал). 4 сентября 1935г. собралось заседание бюро горкома, Брагину обвиняли в том, что, «услышав эти кулацкие контрреволюционные измышления, не только не предприняла немедленных мер к решительному прекращению их, но и сама встала на путь дальнейшего распространения контрреволюционных слухов о смерти т. Эйхе, не сообщив ничего об этом партийной организации».

Брагину из партии исключили. И, конечно, никто и предположить тогда не мог, что совсем уже недолго люди будут ликовать по поводу расстрела Эйхе. Но всему свой час – имитировать приступы бурного восторга надо ведь тоже уметь вовремя. Пока же Эйхе в силе, радуется арестам и инициирует лично вал репрессий. 19 января 1935г. он посещает Сталинск и выступает на бюро горкома с гневной тирадой против только что разоблаченной банды «врагов народа». Речь его стенографировалась, так что мы сможем насладиться красотами ее стиля. «Я, - так начал Эйхе свое выступление, - хотел бы здесь несколько подольше остановиться, чтобы познакомить вас с некоторыми документами, из которых вы узнаете то, что вскрылось сейчас в Ленинграде, в Москве. Это показывает такое неслыханное предательство, такую неслыханную измену, такое неслыханное двурушничество, какого не бывало в истории революционного движения, которое проявили Зиновьев и Каменев и вся их группа, причем это не только плод последнего года, это, оказывается, с момента 15 съезда сознательно продуманная линия, проводимая последовательно, выдержанно, продуманно все время. Перед партийной общественностью, перед всеми трудящимися страны клянутся в верности партии, клянутся, что нет никаких разногласий, что полностью сознают свои ошибки, а за спиной в своем проклятом подполье накаляют свои кадры злобой, ненавистью против руководства партией, там вырабатывают методы, как бы навредить партии, там разрабатывают все, как можно было бы поставить палки в колеса партии...».

«Я хочу идти вперед... и не тащить за собой шкуру...»

Вот он, час Роберта Эйхе! Пробил! Сигнал из Москвы получен, можно приниматься за работу, за сведение счетов с личными врагами. Но это все – после. Пока же необходимо настроиться на пафос обличений и подумать, с кого бы начать. В Сталинске с бывшей оппозицией связаны была Штифанова и Тарасов. Их, наверное, в самую первую очередь репрессировать бы. Как бы половчее это сделать? Хотя что думать – зажигать надо массу собственным примером. С трибун вдохновенные речи толкать. Эйхе старается. В выражениях можно не стесняться. Он – в

эйфории обличительства: «Вот вам лицо этой оппозиции, вот вам приемы, чтобы показать это величайшее двурушничество, предательство, степень падения, я оглашу два момента из стенограммы последнего 17 съезда партии из выступления Зиновьева, из выступления Каменева. Каменев говорит: «Товарищи, я высказал глубокое сожаление о тех ошибках, которые я делал. Я хочу сказать с этой трибуны, что я считаю того Каменева, который с 1925-1930гг. боролся с партией, с ее руководством, я считаю политическим трупом, я хочу идти вперед и не тащить за собой по библейскому выражению эту старую шкуру. Товарищи, позвольте мне в заключение присоединиться к одному возгласу, который перекатывается по всей стране, который утром раздавался здесь, присоединиться как человеку, который только благодаря внимательному и истинному товарищескому отношению ЦК и его руководителей может вновь находиться в этих рядах, этот возглас, к которому я прошу позволить присоединиться, очень простой – да здравствует наша социалистическая страна, да здравствует наша партия, да здравствует наш вождь и командир товарищ Сталин». Это выступление на съезде перед всей партией, перед всей страной, перед всем пролетариатом (стоит) человек и возглашает – да здравствует наш вождь и командир т. Сталин, а в своем подполье организует кадры, доходит до того, до чего дошла ленинградская группа, договорился до того, до чего сейчас договаривается Штифанова...».

«Описывает всю гниль, которая творилась в подполье...»

И не ведает еще Эйхе, что сам вскоре очутится в положении Каменева. Наивные люди, они жили одним днем, и завтра у них не было. И не маялись они муками совести, ибо что такое совесть по сравнению с правом на жизнь, которое могут внезапно отнять именно в силу недостаточно усердного отторжения вековых устоев морали. Эйхе продолжает: «Возьмем Зиновьева: «Я могу сказать только одно: я полностью и до конца понял, что если бы не это руководство, не те железные люди, которые повели партию в борьбе против всех оппозиций, то стране, рабочему классу, делу Ленина, революции угрожала бы более чем реальная опасность. От этой опасности спасло то руководство, которое чтут рабочие, весь рабочий класс, которое чтут лучшие люди нашей страны и рабочий класс всего мира». Человек говорит о той реальной опасности, которая угрожала, и только те железные кадры, которые имелись в нашей партии, и поздравляет это руководство и эти кадры, а в своем подполье организованно делает все, чтобы снова выйти на борьбу с этим руководством, с этой партией. Как это подполье работало? Я вам оглашу один, он довольно длинный, я думаю, что у вас терпенья хватит прослушать до конца одного из участников этого подполья – это письмо Сафарова, как вам известно, привлеченного по делу зиновьевского подполья, к товарищу Сталину. (*Читаем письмо*). Здесь видите, в каких словах один из активных участников самого подполья описывает всю ту гниль, которая творилась в подполье. Я не буду подробно останавливаться на этом ленинградском центре, московском, в газете опубликованы материалы достаточно исчерпывающие, но что нам эти факты сигнализировали, нам, Западно-Сибирской парторганизации, и вам здесь, в Сталинской парторганизации, они сигнализируют нам следующие моменты, что мы должны быть гораздо более бдительными, чем мы были до сих пор. Наша бдительность должна иметь свои определенные формы, мы должны быть прежде всего непримиримыми, разоблачить все антипартийные теории, все антипартийные разговоры, все антипартийные вылазки, разоблачить непримиримо, с чьей бы стороны они ни проявлялись, потому что тот, кто в вопросе борьбы за правильное понимание ленинской, сталинской, теории, ленинского, сталинского, учения в нашей партии выявляет себя как примиренец, тот в той или другой степени является загнивающим человеком, если он сознательно проявляет примиренчество».

«Осколки были у вас разоблачены и вырваны с корнем...»

Эйхе сказал то, что должен был сказать. И если собравшиеся еще не чувствуют, чем обернется эта показная принципиальность Эйхе для тысяч обывателей в Сталинске, то только по недостаточному знанию истории и психологии большевизма и той особой разновидности морали, которую тщательно выпестовывали в пастве Эйхе и ему подобные. Жизнь человека уже не стоит ни полушки, от бесславной кончины не спасает ни чин, ни партбилет, но собравшиеся на бюро горкома, внимающие речи Эйхе и очарованные его агитационными перлами, и ведать не ведают, какой зрелищный данс-макабр доведется пережить городу в ближайшие два-три года. «Второй вопрос, что нам нужно, - говорит далее Эйхе, - нам нужно, чтобы наши разоблачения, наша бдительность имела бы соответствующее организационное оформление, чтобы мы организованно боролись за то, чтобы оппозиция и все эти подпольные группировки, осколки, не могли бы найти место в нашей среде. Осколки эти ничтожны, это чрезвычайно небольшое количество людей, но правильно сказал один из рабочих, выступавших на митинге об осколках – это очень небольшая вещь, но и осколок может ранить. С этими осколками надо вести жесткую непримиримую организационную борьбу. Здесь присутствуют все парторги, от вас, прежде всего, может потребовать бюро горкома, вся Сталинская парторганизация, а как вы организационно боретесь в этой части, чтобы осколки были у вас разоблачены и вырваны с корнем, достаточно ли у вас борьба и бдительность в вашей организации, мне кажется, не везде и не всегда достаточно. Во многих случаях проходит мимо, без достаточной заостренности, без достаточного подхода, если бы этого не было, так поверьте, три года не могла бы эта группа существовать и иметь свое подполье, это подполье было бы вскрыто, если бы у нас вся парторганизация была бы вздыблена в достаточной степени в этом вопросе. В этой борьбе никакой пощады никому, кого мы разоблачаем, кого мы вскрываем. Этим осколкам, этим предателям, этим изменникам партии и рабочему классу, изменникам нашей социалистической родины пощады быть не может. Само дело, которое здесь установлено, мне кажется чрезвычайно простым, чрезвычайно ясным, настолько простым, настолько ясным, что даже повторяются как по письменному те директивы, которые подполье зиновьевского центра давало своим кадрам».

«Младенец, которого можно кормить... болтливым молочком...»

Для Эйхе все понятно, просто и ясно? Какой прозорливый, какой бескомпромиссный этот Эйхе! Даже спустя почти семь десятилетий ничего никому не ясно. Насколько – что не понятно, кого реабилитируем, почему оправдываем палачей, а жертвы до сих пор по большей части остаются безымянными. И не потому ли, что Эйхе и та стая, принадлежностью к которой он так гордился, так «просто» и «ясно» делили людей на «чистых» и «чуждых»? Но вернемся к его речи. Эйхе разъясняет собравшимся, какие директивы давали оппозиционеры своим сомышленникам: «В чем они заключаются? Вернитесь в партию во что бы то ни стало, обратно в партию, и там в партии сохраняйтесь для предстоящей борьбы. Вторая директива: если попадетесь в чем-нибудь – раскайтесь, пишите заявления какие угодно для того, чтобы остаться в партии. Третья директива: если попадетесь и когда вас будут припирять к стенке с требованием, чтобы вы назвали свою организацию и связи, называйте тех, которые уже разоблачены, новых фамилий и лиц не давайте, т.е. другими словами тех, которые еще не выявлены, прячьте. Вот мы сегодня с т.т. Грозовым и Новаковским сидели и разговаривали, как буквально по писанному люди держатся по этим линиям, как будто бы только вчера они получили директивы в письменном виде, за ночь изучили и их придерживаются, думая, что бюро горкома младенец, которого можно кормить таким болтливым молочком, что они

собирались только для того, чтобы чайку выпить. Этому никто не поверит, тем более мы не можем поверить, когда имеем показания двух участников этих сборищ, которые рисуют картину совершенно другую – Тарасов и Штифанова. Штифанова, товарищ Новаковский вам зачитывал, о чем говорит, она говорит – наша партия сожалеет об одном, что убили Кирова, а не Сталина, если бы убили Сталина, это было бы хорошо, а что убили Кирова, это расход слишком большой, нас разгромили, не стоило убивать. Вот рассуждения, вот фигура врага, которого мы имели. Эти люди собирались только попить чайку, пусть они это рассказывают своим бабушкам, или найдут дураков, которые им поверят (*зачитывает показания Штифановой*). Она недовольна, что ей нельзя слишком вольно, даже когда часто шляпим, вылезать и заниматься пропагандой этих взглядов, по ее мнению, даже партийных взглядов. Но, конечно, мы ей такого удовольствия никогда не предоставим, чтобы эти взгляды антипартийные, контрреволюционные распространять. Я думаю, что предложения, которые сделал (секретарь горкома) Новаковский совершенно правильны, нужно с этими гадами покончить, где бы они ни скрывались, партия и рабочий класс раздавит эту гадину...».

Еще одна «гадина»

Но ведь речь шла о бывших коммунистах, коллегах и товарищах Эйхе. И вот теперь они – «гады, с которыми надо покончить». Однажды Эйхе даже произвел скрупулезный подсчет таких «гадов» и в марте 1937г. поделился этой своеобразной статистикой с Иосифом Сталиным: «Исключенных из партии за все годы у нас очень много... Если взять по Западно-Сибирскому краю, то сейчас у нас членов партии и кандидатов 44 тысячи, а исключенных и выбывших с 1926 года – 93 тысячи человек. Как видите, в два раза больше, чем членов партии. На ряде предприятий это создает сложное положение» (сведения С.А.Папкина).

Так вот же они – «гады», среди которых и надо искать врагов! Тем более, что «гадов» чуть не в несколько раз больше, чем «чистых», истинных коммунистов! А сколько еще «гадов» в партии притаилось! Не счастье!

Вот, например, Франкфурт, уже упомянутый начальник Кузнецкстроя. Тоже ведь «гадом» оказался! А ведь какие дифирамбы Роберту Эйхе сочинял! В книге «Рождение человека и стали» (1935г.) на чем свет Эйхе хвалил, даже специальную главу ему посвятил. «Товарищ Эйхе» называется. А ведь врагом, оказывается, был. Обманул Роберта Эйхе. И поплатился. Расстреляли «гада». Интересно, читал ли Эйхе после ареста Франкfurта его книгу? А ведь как задушевно Франкфурт об Эйхе писал. Прямо не верится даже - совсем другой человек восстает из пепла времен. Не тот, которого мы знаем по разоблачительным выступлениям. Зря старался Франкфурт, напрасно в доверие втирался. И книгу зря написал.

«Руководитель сибирской партийной организации, - так начал Франкфурт в упомянутой книге свое задушевное славословие про Эйхе, - стоял у лужи и тщательно мыл свои сапоги. Развороченная и раскопанная площадка превратилась после дождя в болото. Глинистый грунт засасывал. Спускаясь в котлован ЦФС, Эйхе попал в лужу и погрузился в грязь выше колен. Таково было боевое крещение секретаря крайкома. Долго и обстоятельно знакомился Эйхе с жизнью и бытом рабочих. Он ходил по столовым, пробовал еду, ходил по магазинам и баракам, подробно беседовал с рабочими, - и все больше хмурился. Он ненавидел грязь, он выходил из себя, когда узнавал о хамском отношении к работающим. И надо было видеть его возмущенное, побледневшее лицо, надо было слышать его срывающийся от волнения голос, когда он поносил виновников грязи!».

«Изо дня в день следил...»

Франкфурт, в отличие от Норкина, Роберту Эйхе не противопоставлялся никогда. Но участь Норкина разделит. Потому что не тех он воспевал в своей книге. Половина врагами оказались. И Эйхе пришлось с книгой бороться. Однако после ареста автора она превратилась в серьезный компромат. Ибо враг хвалил Эйхе, конечно, неспроста. Нет, плохую услугу оказал Франкфурт Роберту Эйхе. Уж лучше бы этот сладкоречивый Франкфурт в своей книге не поминал Эйхе вовсе! «Эйхе, - вспоминал Франкфурт, - решительно потребовал от меня – обратить максимум внимания на то, чтобы улучшить условия жизни кузнецкстроевцев. В один из приездов Эйхе ему рассказали, что питание инженеров ухудшилось и что их жены ропщут. Он долго говорил со мной, вызывал к себе людей, непосредственно занимающихся этим делом, подтягивал наших снабженцев. Кузнецкстрой был в центре внимания страны. В своих выступлениях руководящие товарищи часто хвалили кузнецкстроевцев, хвалили и в печати. У многих кружилась голова от похвал. Была опасность, что из-за этого могут ослабить темпы, понизиться напряжение в работе. Эйхе в своих публичных выступлениях и в беседах с отдельными работниками площадки всегда требовал не формальной, а действительной самокритики. Мне он часто указывал на то, что я в том или ином вопросе не прислушивался к голосу рабочих, общественности, партийной организации. Эйхе изо дня в день следил за состоянием организации, за положением работ на Кузнецкстрое. В начале 1931г. создалась опасность, что вместо совместной дружной работы партийных и хозяйственных работников Кузнецкстроя возникнет драчка, за которой вырисовывалась угроза ослабления темпов работы. Дело было весной. Начал таять снег. Лед на Томи был покрыт водой. Вечером мне позвонили из Старо-Кузнецка, что там находится Эйхе. Оказалось, узнав об осложнениях, он вылетел на самолете в Кузнецк. Садиться на самолете на землю было невозможно. Самолет сел на Томи. По колено в ледяной воде Р.И.Эйхе кое-как добрался до Старо-Кузнецка. Я поехал за ним. Уже поздно вечером мы добрались ко мне на квартиру. Эйхе сбросил промокшую одежду, повалился на кровать и заснул. Как убитый...».

«Не было для Эйхе черных, мелких дел...»

Верить ли тому, что писал Франкфурт об Эйхе? Не знаем. Книга Франкфурта, как и всякая другая в те поры, должна была нести вполне определенную идеологическую нагрузку. Она должна была работать на культ, а не подтачивать его. В этом ограниченность книги. Он не мог писать об Эйхе иначе, даже если бы захотел. Нельзя сбрасывать со счетов и фактор так называемого «номенклатурного братства». Франкфурт не просто хвалит Эйхе, он еще подчеркивает, что Эйхе был настолько близок к нему, что останавливался на ночлег в его квартире. Эйхе и Франкфурт, таким образом, оказались как бы повязанными неформальным общением. Что не уберезет Франкфурта от ареста. А ведь как близко общались! «С часу ночи и до утра, - вспоминал Франкфурт, - Эйхе, Станкин и я говорили о том, как упорядочить взаимоотношения между партийным комитетом и хозяйственным руководством. После беседы Эйхе пошел со мной осматривать площадку. В котельном и механическом цехах он с большим интересом разглядывал новейшие станки. «Ведь я токарь по профессии, - сказал он, - Эх, как потянуло к работе! Принял бы ты меня токарем? Очень часто нам не хватало материалов, часто недоставало рабочих, сложно обстояло дело с организацией продовольственного снабжения. Эйхе сумел мобилизовать силы всего края на помощь Кузнецкстрою. Не было дня, чтобы мы не обращались к нему за поддержкой. Не было для Эйхе черных, мелких дел – он делал для Кузнецкстроя все, он делал подчас невозможное, чтобы нам помочь. Сибирь должна была успешно развивать сельское хозяйство. И все же

Эйхе, даже в самые напряженные моменты посевной и уборочной компаний, снимал рабочих из колхозов и совхозов и отправлял их на Кузнецкстрой. Такова была линия всей сибирской партийной организации. Настало трудное пусковое время. Мы опаздывали. В связи с неполадками у некоторых появились упаднические настроения. Надо было подтянуть партийную организацию и весь коллектив. Нельзя ослаблять нажима! Эйхе приезжает к нам и сам руководит созданием перелома».

«Всегда ровный, простой и внимательный...»

Франкфурт живописует не человека, а сущего ангела во плоти. Романтический герой эпохи энтузиазма, да и только. Хотя, при желании, в расстрелах же тоже можно узреть романтику. И в пафосных расстрельных речах – тоже. Если это так, то Эйхе действительно был романтиком. Но об этом Франкфурт не пишет. «Всегда ровный, простой и внимательный в обращении, - убеждает читателя Франкфурт, - он, когда дело касается работы и успехов стройки или завода, преображается, меняется, становится беспощадным. Когда мы праздновали в Новосибирске выдачу первого чугуна, Эйхе был переполнен радостью. Но когда зимой 1932-33гг. плохо работали пущенные цехи, когда мы недодавали металл, - Эйхе приехал на завод, жестоко нас критиковал, требовал борьбы с расхлябанностью в работе. Нажим крайкома приносил плоды – подтягивались люди, подтягивались дела. Весной 1934г. мы с Эйхе обходили завод. Картина резко изменилась. Горы земли исчезли, канавы засыпаны, в цехах устанавливается нормальный порядок работающего завода. Появились дорожки, в самих цехах побелели помещения, поставили цветы. Эйхе радовался и с увлечением говорил мне, надо озеленить весь завод, превратить его в сад, устроить фонтаны. Разве тот, кто не был раньше, кто не наезжал часто на Кузнецкстрой, сказал он, может представить себе, какая огромная работа проделана, сколько труда вложено в этот завод!».

Но документы рисуют совсем другого Эйхе. Не такого, каким изображает его Франкфурт, а расчетливого, коварного, жестокого, и, как всякого малообразованного человека (у Эйхе было образование низшее) – особо восприимчивого к культуре. В таком же духе он пестовал и своих подопечных. Когда в марте 1937г. на партактиве в Кемерове портрет Эйхе вывесили ниже уровня трибуны, коммунисты заволновались: беспорядок! Потому что с культом вожака нужно обращаться бережно. Эйхе умел себя заставить уважать. Для этого у него был устрашающий аппарат принуждения, который зорко следил за тем, чтобы на культ никто не покушался. Например, как только начальнику кемеровского горотдела НКВД Голубеву стало известно, что некий Уразбеков «занимался тем, что звонил якобы в крайком по телефону и нецензурно ругал товарища Эйхе», он тут же поведал об этом злодеянии на партийной конференции в мае 1937-го. Это вызвало большой шум, собравшиеся особенно были возмущены, что Уразбеков всем представлялся приятелем Эйхе и заявлял, что его скоро уберут из крайкома и заменят Постышевым. Имя вождя надлежало лелеять...

Допрашивал лично...

Роберт Эйхе входил в первую так называемую «тройку» по Западно-Сибирскому краю. Ту самую «тройку», которая оперативно выносила приговоры о расстрелах и высылке в лагерь.

Более того. Эйхе в иных случаях допрашивал лично. И, похоже, был мастером своего дела. Исследователь Папков (Новосибирск) приводит такой факт. У чекистов ничего не получалось с выбиванием признаний от бывшего партизана Шевелева-Лубкова. Но вот к допросам подключился Эйхе. Эйхе увещевал Шевелева по товарищески: сознайся, мол, в троцкизме и

прочих грехах. И вот – удача: Шевелев пишет показания, оговаривая сам себя. Пишет также некую исповедь, адресованную Эйхе, есть в ней такие слова: «Мне стыдно, что я обманул товарища Эйхе, у меня не хватило смелости, смотря ему в лицо, сказать, что я подлец. Прошу сообщить ему мое извинение и передать, что я решил сказать всю правду и надеюсь единственно на то, что он спасет меня и я еще в будущую войну пригожусь, тогда я докажу, что не совсем еще погиб для советской власти».

Спасать Шевелева Эйхе не стал. Зачем? Ведь Эйхе подключился к допросам единственно затем, чтобы подвинуть Шевелева к самооговору. В результате Шевелева-Лубкова расстреляли.

А потом наступила очередь нашего героя. 29 апреля 1938 года его арестовали. Как следует из данных сайта «Мемориала», приговорили его к расстрелу 2 февраля 1940 года и расстреляли через два дня. Из попутно обнаруженных данных – до ареста проживал он на улице Серафимовича в Москве, в доме №2, в квартире 234. В Москву же он попал в результате кадровых перемещений, осуществленных Сталиным осенью 1937г. Он был назначен наркомом земледелия СССР. Это было началом конца.

В застенках Эйхе пытали. Как следует из книжки «Сталинский террор в Сибири в 1917-1941гг.» (Новосибирск, 1997), Эйхе оговорил сам себя, но при этом умолял Сталина пересмотреть его дело. «Дело обстояло так, - писал Эйхе, - не выдержав истязания, которые применяли ко мне Ушаков и Николаев, особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники, и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей...».

Вместо эпилога

Что было после ареста Эйхе? Как руководимая им столько лет партийная организация края отнеслась к аресту бывшего кумира? А никак не отнеслась: ну, расстреляли, и расстреляли, эка невидаль. Привыкли. Мы нашли только одно документальное свидетельство, которое отражало некое подобие растерянности. Некто Москвин на одном партийном форуме в Сталинске в мае 1938 года недоуменно вопрошал: «Раньше на пятиминутках задают нам вопрос – говорят, Эйхе арестован, Бутенко (директор КМК) сидит и Постышева сняли, и мы не знаем, как им на это отвечать... Вот такая неразбериха. Я считаю, что горком партии должен это учесть, разъяснить нам, а не так шепотком втихомолку: «Собери, сними портреты», как будто что-то украли...».

У этих неисправимых «энтузиастов» тридцатых действительно «украли». «Украли» родных, близких, друзей, тайно схороненных в выгребных безымянных ямах, украли элементарные представления о человечности.

Могилы Эйхе не сохранилось. Его обвинили в создании и руководстве контрреволюционной террористической организации, шпионаже и подготовке теракта. Реабилитировали 14 марта 1956 года.

Вячеслав ТОГУЛЕВ, г. Кемерово,

19 мая 2003г